

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ
ТОПОГРАФИЯ:
ОТ СОЦИАЛЬНО-
ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО
К СОЦИАЛЬНО-
ЭЙДЕТИЧЕСКОМУ
КОНСТРУИРОВАНИЮ
ОБРАЗА МИРА**

Геофизический образ мира по преимуществу являлся схематическим отображением ориентиров видения мира человеком. Но современный человек пребывает не только в физически подвижном, метафизически неизменном, но и в виртуальном мире. Информационные технологии анимировали статику геофизического образа. Принципы геокодирования и геолокации способны отслеживать навигацию и определять с точностью до нескольких метров положение объекта и пользователя. Примеры подобных возможностей представляют программы Googleglass, Googlemaps, GoogleSky, AndroidSGPSTest и других, представляющие использование технологических возможностей информационных терминалов GSM/GPRS, а также их спутниковых альтернатив. Виртуальная картография основана на использовании географического модуля, включающего местоположение, дистанцию, визуализацию наблюдаемого объекта на основе адаптированной к информационным технологиям картографии.

Технологии также изменили содержание и качество человеческих представлений о мире. Начиная с античности, дихотомия «космос («κόσμος», представление об универсальном порядке мироздания, объект созерцания) / ойкумена («οἰκουμένη», представление о цивилизационных пространствах человечества, результат деятельности)» структурировала образ мира. К середине двадцатого столетия космический масштаб существования человечества засвидетельствовал утрату ценностного значения данной дихотомии. Важным является то, что этот новый образ мира, дополненный виртуальным измерением либо созданный им, не вполне вписывается в классические представления категории существования и присутствия. Обозначенные технологиями трансформации представляют предмет философской рефлексии и литературы. Начиная с цикла лекций, прочитанных Мартином Хайдеггером в 1949 г. в Бремене, они находятся в поле зрения философии техники. Изменения в картине мира представляют одну из определяющих стратегий. Альтернативу методичной критике современности, осуществленной Хайдеггером, представляет концепция восприятия реальности в процессе миростроения, предложенная Х. Арендт. Мир как предел возможности мышления предстает некой точкой совпа-

дения цивилизованного и человеческого, зрителя и актера.

Предлагаемое исследование является опытом осуществления феноменологической редукции геофизического образа планетарного пространства к интенциональным значениям плюралистической онтологии цивилизационных процессов. И в данной перспективе прослеживаются узловые моменты глобальной картографии, составляющие ядро социокультурных миров в генеалогии геофизического пространства картографии, в проективном содержании геофизических точек отсчета и ориентаций.

Картографирование планетарного пространства в контексте влияния информационных технологий во многом определяется противоположностью собственно геофизического и геоиконического способов презентаций поверхности земного шара. Термин «геоиконика» был введен Александром Берлянтом [1] в качестве обозначения общей теории картографии, получившей признание в качестве «геоиконической парадигмы» (Т. Комиссарова) [2], как составляющая «картосемиотики» (А. Володченко) [3], «геоинформатика» (В. Лайкин, Г. Упоров) [4] и другие. Контрарность «геофизического / геоиконического» образа планетарного пространства обоснована отличием математической и информационной проекций. По существу, картография всегда является планом, в котором отражается способность субъекта воспринимать образ планеты в его действительной целостности. На основе замечаний, сделанных Анной Арентд: «способность являться как таковая требует и предполагает наличие зрителя» [5, с. 100], «для общения с ближним не нужен непременно человеческий язык с его исключительно сложной грамматикой и синтаксисом» [5, с. 100] – дифференциация геофизического и геоиконического образа мира представлена в контексте понимающей коммуникации (Г. Маршалл Маклюэн).

В методологическом аспекте обращение к литературным источникам, а также указание на соответствующую иконографию позволяют описать конструирование аутентичного социокультурного типа («проект мегалитической культуры»). Данный подход соответствует принципам теории символического обмена и миротворения, предложенной в работах Пьера Бурдьё [6] и Нельсона Гудмена [7]. «Пусть никто не думает, что если карта, составленная в соответствии с одной схемой экстраполяции, является точной, то карты, составленные в соответствии с альтернативными схемами, являются неверными», – замечает

Гудмен [7, с. 271]. Усмотрение карты как метасистемы векторов коммуникации позволяет распространить принцип отличия инструментальной и понимающей коммуникации (Люсьен Сфе, Жан-Пьер Дюран) [8, с. 142] на феномен глобальной картографии социокультурного мира.

Противоположность геофизического и геоиконического образа мира следует рассматривать как противоположность глобальной и локальной картографии. Начиная с «Вавилонской карты мира», на которой представлен мифологический мир Месопотамии [9], и заканчивая современной онлайн-картографией, картография стремится к тому, чтобы придать зримые формы очертаниям мира. Со времен Анаксимандра и Гекатея Милетского воссоздание видимого мира основывается на принципе тождества изображаемого пространства и изображенного предмета. Одним из основных источников данного тождества является воображаемое единство. Удивительным в образе мира, созданном ионийскими натурфилософами и учеными, было то, что карта не имела внутренней геолокальной привязки, а представляла геометрическую проекцию поверхности земного шара, имея геофизический центр.

В самом широком смысле планетарное пространство является частью видимого и наблюдаемого мира-космоса независимо от геоцентрической или гелиоцентрической модели. Старейший из известных нам глобусов, представлен в знаменитой скульптуре Атлас Фарнезе – это глобус небесной сферы, а старейший глобус земной поверхности – «Земное яблоко» Мартина Бехайма (ок. 1490–1492 гг.). Наряду со сферической презентацией также долгое время имела распространение антропоморфная модель, восходящая к описаниям гипократовской школы. Она является аналоговой моделью земной поверхности на основе человеческой анатомии. Как, например, *Euroa virgo*, которая представляет собой замкнутый образ континента, с соответствующими человеческой телесности верхней, нижней частями и серединой.

Начиная с Птолемея и Страбона, в перераспределении значений планетарного пространства первенство принадлежит географии и этнографии. Именно география приложила немало для того, чтобы систематизировать и кодифицировать многообразие дискурсов и свидетельств Античной литературы и науки к представлению, в котором лаконично сформулирован принцип геополитического мышления: «все дороги ведут в Рим». Реалистичность геофизического образа

нашей планеты представляется не только прогрессом научного познания, а и изменением горизонтов видения.

Подвижность горизонта означает все большую проникновенность взгляда, усиление его мощности, так сказать «точечного видения», которым снабжено современное человечество благодаря развитию информационных технологий. Мир предстает все более детальным и символическим одновременно. В тоже время образная целостность, общее видение настоящего, прошлого будущего все более отрывается от реальности. Эта дистанция реальности и ожидания структурирует символическое пространство мира. В архаических представлениях опоры символического пространства являются вполне реальными геофизическими объектами или своеобразными отметинами в поле горизонта: горы, пещеры, воронки и возвышенности. В эпоху космогоний и теологий они приобретают метафизические очертания: корни мироздания, мировая ось, столпы мира и другие – и их геофизические контуры утрачивают очертания подлинности, приобретая загадочный и мистический ореол. Однако геофизический образ постархаики имеет в своем ландшафте прочную опору символического пространства – город. Ведь не случайно старейшая из известных нам «карт мира» была построена с указанием на центральное положение города, вавилона. Город является своеобразным «нулевым меридианом» и «нулевой широтой», поскольку в историческом времени это означает, что по мере накопления таких впечатлений возникает новая очевидность. Назовем, ее очевидностью горизонтов, которую геофизическое пространство позволяло рассчитать, описать, проиллюстрировать. Но в современном мире она фиксируется, накапливается, архивируется и может быть открыта для других пользователей. В этом смысле образ мира трансформируется в архив впечатлений.

Картографирование территорий и создание границ составляет привычный образ геофизической реальности. Такая модель восприятия формируется дидактически, юридически, символически. Современный человек открывает мир через школьные курсы географии, истории. Правовые документы – паспорт, виза и другие – определяют свободу его передвижения. А символы становятся той незримой нитью, которая связывает человека с настоящим, прошлым, будущим, которое представляет единство власти и границ в современном мире. Тем не менее, не геополитическая упорядоченность границ, а распределе-

ние времени определяет суть глобальной картографии.

Автором концепций, важность которых для формирования геофизического и геоиколического образа планеты очевидна, является Пифагор из Самоса. Ему принадлежит, как утверждает традиция географической науки, идея сферической модели поверхности земного шара. И он же является вдохновителем учения об антиподах. Пифагорейство, следует полагать, обозначает точку эпистемологического разрыва, если воспользоваться термином Гастона Башляра, литературы и мифа. Ядро мифопоэтических представлений о форме земной поверхности составляет символ мирового центра. У греков Античности символ средоточия земной тверди, «омфал(ομφαλός)», поставлен в Дельфах. У инков – это Мачу-Пикчу, у кельтов – в Медиолане; столица Срединного королевства в Ирландии – Тара и др. Путешествия Богов и героев также имеют своеобразные географическую ориентацию, например, прибытие Лето на Делос, путешествие Аполлона к гиперборейцам, пребывание Геракла в Скифию и другие.

Геоиколический образ мира обладает важным свойством, которое возможно представить как аналог сетевого сообщества, участники которого имеют семантические связи. В «Хазарском дневнике» Милорада Павича рассказана притча об общих снах, когда сон одного означает бодрствование другого. В виртуальном мире объект видения и объект созерцания могут не совпадать. Например, здание, поиском которого занят в реальном физическом пространстве пользователь, благодаря Googlemaps может предстать ему во множестве ракурсов и в разное время года, более того свое видение искомого объекта он может передать другим пользователям-незнакомцам. Таким образом, современные технологии позволяют создать нечто аналогичное доисторической топографии, синтезируя разрозненные во времени впечатления и накладывая их на геофизический образ.

Геоиколический образ мира – это способность интегрировать антропологические горизонты. Современная глобальная картография соответствует планетарному образу мысли человека. Использование современных информационных технологий обеспечивает геолокализацию и горизонтальные связи, а масштаб ее структурного единства картографирует образ человечества, производимый структурным единством ландшафта и ойкумены. В традиционном образе представить пересекающиеся горизонты можно было

только в отношении к различным позициям наблюдателей. В современном мире пересечение горизонтов и общность точки зрения обеспечивает не точка зрения, а способ видения.

Дифференциация геофизического и геоэкономического образа мира предполагает разделение символической и пространственной упорядоченности планетарного пространства. В современной географии нет однозначной уверенности в том, что называется городом. Вероятно, что одним из факторов амбивалентности является то, что современная традиция имеет дело с трансфигурациями понимания города как места-цитадели-укрепления; общности в образы жизни (например, традиция библейских городов); как «гражданской общности»; города как агломерации. Индустриальная цивилизация сосредоточилась в городах и в этом смысле городской, буржуазный, мещанский образы жизни являются пересекающимися понятиями [11].

Господство городов ставилось под сомнение в самых разных областях социального знания, но город на протяжении многих столетий оставался источником утопического искательского духа. Возможно, что этому способствовали особенности городской жизни (например, пресловутые «лабиринты улиц»), городской памяти, где коллективная память места имела всегда превосходство над памятью индивидуальной (например, феномен городских топонимов). В современном мире включение в Сеть стало неотъемлемой частью индивидуального образа жизни, а система обмена приобретает масштабы, сопоставимые со строительством пирамид в предместьях Гизы. В этом, говоря языком условностей «новом мире» город уступает место «глобальной деревне», как замечает Маршалл Маклюэн.

Пространственная упорядоченность города соответствует определенной архитектурной организации пространства, а символические порядки соответствуют его качественной определенности. Качественное многообразие форм пространственной упорядоченности понимается по-разному, но ее обозримость стала возможной после того, как город становится центром социальных порядков, связей, коммуникаций. Город является аутентичным символом, в том смысле, что город указывает на самое себя. История каждого города включает миф об общности происхождения, героическую мифологию, включая культурных героев, первооткрывателей, первопродцев, реформаторов, а также цивилизационный миф об особой роли городов в истории человечества и народов.

Особое место в числе городов-символов принадлежит легенде Третьего Рима, который является частью литературных преданий, возникших в контексте упадка культурного влияния Империи ромеев (Византийской империи). Литературно-художественные изложения церковнослужителей о наследии Константинополя нашли поддержку у сербского царя Стефана Душана, болгарского – Иоанна-Александра, московского – Ивана IV. Доктрина Третьего Рима стремилась обосновать независимое от духовного авторитета Константинополя символическое пространство власти. И вероятно, что данную доктрину следует воспринимать в контексте противостояния славянских государств Позднего средневековья с исламским миром. Особая роль в ней принадлежала византийскому наследию. Но, в действительности, византийское наследие, после 1453 г. представляло агиографическое предание и хранилище символов Империи ромеев, нежели действительное знакомство с культурным достоянием Византии. Константинополь так и остался сказочным Царь-городом, общекультурным топосом христианства по греческому обряду. Поэтому символический статус Москвы как Третьего Рима имел символично-политическое значение, например, такое же, как собор в Реймсе для французских королей. Однако имперская столица была единственной – Санкт-Петербург, это, воистину, был уникальный российский Царьград, имплицитно указующий на оппозицию Константинополь / Петроград, которая и определила метафизический горизонт социокультурного пространства Российской империи. И в этом горизонте собственной исторической будущности возник панславизм – идеология, призванная обосновать планетарный масштаб славянской ойкумены.

Геофизические координаты индустриальной цивилизации были сконструированы в рамках социокультурной проекции, которую можно назвать эпохой Робинзона Крузо или эпохой создания панъевропейского мира. Они предполагают оппозицию метрополия / колония в качестве социокультурной платформы геофизического пространства. Непосредственно эта оппозиция была создана убеждением в том, что человек и судьба с помощью календарей, псалмов, изобретений, карт превращают планету в обитель человечества. В процессе цивилизационных изменений кардинальные точки из опыта чистого или конструктивного наблюдения постепенно переместились в литературу, политическую, публицистическую (так, например, возникла геополитика).

тическая метафора «восточного деспотизма»), а также – в художественную, историческую, этнографическую литературу и искусство (например, «Тысяча и одна ночь», ориентализм).

Перенос констант геофизического описания способствовал диверсификации воображаемого пространства. Если художественно-творческий феномен ориентализма обозначал изящество линий, шарм, вкус наслаждения, то политическая мысль использовала ту же категорию «Востока», как обозначение «пустыни деспотизма», а политически-экономическая мысль толковала Восток как особый вид хозяйствования, в котором нищета и великолепие сочетаются с восточным изяществом. По существу, геофизический образ индустриальной цивилизации соответствовал символическому господству западных форм исторического прогресса. А Восток становится обозначением как исторической неизменности вещей и состояний, так и варварства, в смысле жестокости нравов в отличие от цивилизаций Запада.

Парадокс Российской империи заключался в том, что она имела внутренний запад, внутренний восток и Азию, а также простиравшийся от Урала до Аляски собственный новый мир. Этот планетарный масштаб пространства легитимации «невской» империи сводился к дихотомии «Европа (Запад)/Азия (Восток)» геофизической дислокации. Уже в утопических заметках князя Владимира Одоевского (член-учредитель Русского императорского географического общества), озаглавленных «4338-й год: Петербургские письма» (1835) [14], представлен литературно-художественный образ будущего в единстве Российской империи и Китая. Это футуристический образ культуры будущего, которая охватывает межорбитальное пространство Земли и Луны.

Представители этой мета-культуры вершат судьбами человечества на основе различных научно-технических достижений. Одновременно эти достижения касаются не только владычества над силами природы, пространством и временем, но и являются своеобразными гарантиями нравственного законодательства. Автор триединой концепции самодержавия, граф Сергей Уваров опубликовал в 1845 году в Париже проект Азиатской академии [15], которая должна была воплотить синтетическое единство восточной и западной цивилизаций. Имперский футуризм предполагал, что в государстве будущего должен оставаться только один единственный народ русский, который и олицетворяла провозглашенная в 1961 году новая историческая общность «советский народ».

Подобная общность была скорее проективной общностью, принадлежность к которой определялась лингвокультурными особенностями, а также своеобразной эмоциональной составляющей, которая строилась на последовательном игнорировании идентичности как выражения уникальности и своеобразия. Идентичность члена такой общности не определяется критериями уникальности. Каждый индивид такой группы представляется отдельным видом коллективного субъекта. В контексте национальных войн, сопровождавших утверждение индустриальной цивилизации, замкнутый круг социокультурного мира Российской империи необходимо было привести к интегральной величине научной достоверности этнографическое многообразие истории Третьего Рима и футуристическую однородность государства будущего.

Исторически этнографические описания позволяли объединить вокруг оси Санкт-Петербург-Константинополь славянские народы. И определить их различия в кардинальных точках математической проекции земного шара, устанавливая классификацию на западных, восточных и южных славян. Так появилась, условно говоря, императорская карта (которая, кстати, и по сей день используется в отечественной истории и гуманитарных науках). Особенностью императорской карты является отсутствие севера. Хотя именно север играет важную роль в становлении социокультурного мира славян.

Усмотрение карты как социально-идеографического конструкта позволяет установить отличие инструментальной и понимающей коммуникации. Эйдетическое многообразие объективного представления кодифицировано в картах и глобусах. Инструментальная картография представлена в способах презентации мира посредством карт и глобусов. Понимающая картография обращена к принципам кодификации мира-вселенной, мира-космоса, мира-ойкумены, мира-коллажа. Инструментальный образ мира формируется противопоставлением человеческого и природного бытия, производная общность которых может пониматься как жизненный мир, жизненное пространство. В горизонте понимания глобальных коммуникаций природа теряет первичность своего значения. В ландшафте ойкумены природы либо объект эксплуатации, либо заботы, либо ответственности. При этом ойкумена представляет полифонический образ действительности на уровне горизонтальных цивилизационных срезов, то есть в схеме «город и территория», «народ и общность», но не квази-онтологических иерархий «земля-язык-Родина» или соответствий «космос-ландшафт-язык-народ».

Геофизический образ мира кодифицирует ориентации субъекта в планетарном пространстве. Развитие глобальных коммуникаций в современном мире трансформирует как саму карту, открывая новые возможности геокодификации и геолокализации, так и самого субъекта. Парадоксальным является то, что виртуальная картография позволяет актуализировать архаические пласты ориентации человека в социальном пространстве. Подобно тому как доисторические охотники передвигались тропами, так и современный путник может осуществлять навигацию, следуя точным указаниям маршрута. Кроме этого, важным составляющим обмена является иконография маршрута, что также приближает представления пользователя к образам окружающей действительности ранних людей. Так же, как и современный человек, они представляли мир в конкретном-единичном измерении физических объектов. Однако, если окружающая первых людей действительность покрывалась сетью мифологических представлений, то окружающая действительность пользователя определяется, с одной стороны, технологическими возможностями программы, а с другой стороны, он имеет доступ к своеобразному архиву впечатлений другого. Таким образом, коммуникационные возможности структурированы двумя составляющими: информационной (возможности программ) и эмотивной (мир впечатлений).

Если рассматривать мир как акт деятельного созерцания или миротворения, то именно в коммуникационной среде обнаруживает себя феномен социокультурного мира. В этом смысле мир превращается из объективного пространства созерцания в горизонт эмоциональных переживаний, поддерживаемых технологической платформой и лингвокультурными компетенциями. В результате и возникает геоиконический образ мира. И эта экstrapоляция не обладает меньшей степенью достоверности, чем геофизический образ планетарного пространства. Геофизический и геоиконический образы мира комплементарны

и создают метасистему векторов коммуникации в современном мире.

Одним из важнейших изменений символического пространства в мире глобальных коммуникаций является трансфигурация конструирования аутентичного социокультурного типа. В виртуальном пространстве на пересечении геополитических конфигураций и историософского видения этнокультурных общностей и преемственности возникает «проект мегалитических культур». Их конструирование в современном мире определяет феномен лингвокультурного нарциссизма. Вероятно, именно он приходит на смену идентичностям трибы, этому неиссякаемому источнику тоталитарного мировоззрения или ур-фашизма (если воспользоваться терминологией Умберто Эко). К тому же, семантическая замкнутость естественных языков в условиях глобальных коммуникаций является гарантией коммуникативной закрытости, когда источником представлений о мире является не мир, а лингвистическая картина мира.

Возможно, что конфликт индустриально-го цивилизационного мифа и информационной культуры представляет сущность современного социокультурного мира. Языком метафор данную сущность можно определить как «бегство» или «уход» от нарративов индустриальной цивилизации. В ней будущее и прошлое постепенно обретают статус утопии. Так рубеж индустриальной и информационной эпох образует линии исторического и футурологического утопизма. Ими обозначена оппозиция «мира, который представляет человек» / «мира, который человек ожидает увидеть». Это форма современного утопического сознания, которую чистый разум (если пользоваться кантианским разграничением), даже в своем метафизическом подъеме не охватывает. И чем шире горизонт научной достоверности, тем величественнее предстают утопические видения исторических и футурологических размышлений, включая в пространства утопической реальности новые детали и фрагменты действительности прошлых и будущих времен.

Литература

- 1 Berlyant A.M. The developed concept of geoimages / A.M. Berlyant // Proceedings of the 16th International Cartographic Conference Barcelona, Spain, 3–9 September 1995 / ed. by the Institut Cartogràfic de Catalunya. – Barcelona, 1995. – S. 409–413. – Mode of access: http://icaci.org/files/documents/ICC_proceedings/ICC1995/PDF/Cap080.pdf
- 2 Комиссарова Т.С. Теоретические основы картографической подготовки учителя географии: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02 / Т.С. Комиссарова; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб., 2000. – 70 с.
- 3 Володченко А. Картосемантика: e-Lexikon [Электронный ресурс] / А. Володченко. – Дрезден, 2009. – 61 с. – Режим доступа: http://meta-carto-semiotics.org/uploads/mcs_vol2_2009/wolodtschenko_eLexikon2009.pdf
- 4 Лайкин В. Геоинформатика : учебное пособие / В. Лайкин, Г. Упоров. – Комсомольск-на-Амуре : Изд-во АмГПУ, 2010. – 162 с.

- 5 Арендт А. Жизнь ума / А. Арендт. – СПб.: Наука, 2013. – 519 с.
- 6 Bourdieu P. Espace social et pouvoir symbolique, mars 1986 / P. Bourdieu // Bourdieu P. Les choses dites. – Paris : Éditions de Minuit, 1987. – P. 147–166.
- 7 Гудмен Н. Факт, фантазия и предсказание. Способы создания миров. Статьи / Н. Гудмен. – М.: Идея-Пресс : Логос : Практис, 2001. – 376 с.
- 8 Durand J. – P. Paradigme, productique ed flux d'informations / J. – P. Durand // Informatique, communication ed société: Sous la direction / ed G.L. Baron, F. Paoletti, R. Raynaud. – Paris : INRP, L'Hartman, 1993. – 215 p.
- 9 Map of the World. Babylonian, about 700–500 BC. Probably from Sippar, southern Iraq. A unique ancient map of the Mesopotamian world [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.britishmuseum.org/explore/highlights/highlight_objects/me/m/map_of_the_world.aspx
- 10 Рабинович Е. От Атлантики до Урала (к предистории вопроса) / Е. Рабинович // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 52. – С. 62–74.
- 11 Зомбарт В. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека // Зомбарт В. Собрание сочинений. – СПб.: Владимир Даль, 2005. – Т. 1. – 640 с.
- 12 Mesiarkin A. Examining the Slavic identity in Middle Ages. Perception of common sense of Slavic community in Polish and Bohemian Medieval Chronicles [Electronic resource] / A. Mesiarkin // Studia Ceranea. Lodź: Ceraneum. – 2013. – Vol. 3. – P. 83–100. – Mode of access: http://www.academia.edu/5938765/Examining_the_Slavic_identity_in_Middle_Ages_In_Studia_Ceranea_Lodz_Ceraneum_vol_3_2013_pp_83-100
- 13 Stoykovski B. Les représentations culturelles byzantines et les identités slaves [Electronic resource] / B. Stoykovski // Revue du CEES (centre eropéen d'études slaves). – Publié ed ligne le 19 avril 2012. – Mode of access: <http://etudesslaves.edel.univ-poitiers.fr/index.php?id=300>
- 14 Одоевский В. 4338-й год. Петербургские письма [Электронный ресурс] / В. Одоевский. – Мюнхен, 2006 – Режим доступа: http://az.lib.ru/o/odoewskij_w_f/text_0490.shtml
- 15 Ouvaroff S. Projet d'une académie asiatique [Electronic resource] / S. Ouvaroff // Etudes ed philologie et de critique. – 2-c éd. – Paris, Didot Frères, 1845. – С. 1–47. – Mode of access: http://books.google.fr/books?id=Qv5BAAAAcAAJ&printsec=frontcover&dq=%C3%89tudes+de+philologie+et+de+critique+1845&hl=fr&sa=X&ei=oAUZUaKvIMnLhAeTx4EQ&redir_e

References

- 1 Berlyant A. M. The developed concept of geoimages / A. M. Berlyant // Proceedings of the 16th International Cartographic Conference Barcelona, Spain, 3–9 September 1995 / ed. by the Institut Cartogràfic de Catalunya. – Barcelona, 1995, – P. 409–413. – Mode of access: http://icaci.org/files/documents/ICC_proceedings/ICC1995/PDF/Cap080.pdf
- 2 Komissarova T. S. Teoreticheskie osnovy kartograficheskoy podgotovki uchitelya geografii : avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk: 13.00.02 / T. S. Komissarova ; Ros. gos. ped. un-t im. A. I. Gertsena. – Sankt-Peterburg, 2000. – 70 s.
- 3 Volodchenko A. Kartosemiotika: e-Lexikon [Elektronnyy resurs] / A. Volodchenko. – Drezden, 2009. – 61 s. – Rezhim dostupa: http://meta-carto-semiotics.org/uploads/mes_vol2_2009/wolodtschenko_eLexikon2009.pdf
- 4 Laykin V. Geoinformatika : uchebnoe posobie / V. Laykin, G. Uporov. – Komsomol'sk-na-Amure : Izd-vo AmGPGU, 2010. – 162 s.
- 5 Arendt A. Zhizn' uma / A. Arendt. – Sankt-Peterburg : Nauka, 2013. – 519 s.
- 6 Bourdieu P. Espace social et pouvoir symbolique, mars 1986 / P. Bourdieu // Bourdieu P. Les choses dites. – Paris: Éditions de Minuit, 1987. – P. 147–166.
- 7 Gudmen N. Fakt, fantaziya i predskazanie. Sposoby sozdaniya mirov. Stat'i / N. Gudmen. – Moskva : Ideya-Press: Logos: Praktis, 2001. – 376 s.
- 8 Durand J. – P. Paradigme, productique ed flux d'informations / J.-P. Durand // Informatique, communication ed société: Sous la direction / ed G. L. Baron, F. Paoletti, R. Raynaud. – Paris : INRP, L'Hartman, 1993. – 215 p.
- 9 Map of the World. Babylonian, about 700–500 BC. Probably from Sippar, southern Iraq. A unique ancient map of the Mesopotamian world [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.britishmuseum.org/explore/highlights/highlight_objects/me/m/map_of_the_world.aspx
- 10 Rabinovich E. Ot Atlantiki do Urala (k predistorii voprosa) / E. Rabinovich // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2001. – № 52. – С. 62–74.
- 11 Zombart V. Burzhua: k istorii dukhovnogo razvitiya sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka // Zombart V. Sbranie sochineniy. – Sankt-Peterburg : Vladimir Dal', 2005. – Т. 1. – 640 s.
- 12 Mesiarkin A. Examining the Slavic identity in Middle Ages. Perception of common sense of Slavic community in Polish and Bohemian Medieval Chronicles [Electronic resource] / A. Mesiarkin // Studia Ceranea. Lodź: Ceraneum. – 2013. – Vol. 3. – P. 83–100. – Mode of access: http://www.academia.edu/5938765/Examining_the_Slavic_identity_in_Middle_Ages_In_Studia_Ceranea_Lodz_Ceraneum_vol_3_2013_pp_83-100
- 13 Stoykovski B. Les représentations culturelles byzantines et les identités slaves [Electronic resource] / B. Stoykovski // Revue du CEES (centre eropéen d'études slaves). – Publié ed ligne le 19 avril 2012. – Mode of access: <http://etudesslaves.edel.univ-poitiers.fr/index.php?id=300>
- 14 Odоеvskiy V. 4338-iy god. Peterburgskie pis'ma [Elektronnyy resurs] / V. Odоеvskiy. – Myunkhen, 2006 – Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/o/odoewskij_w_f/text_0490.shtml
- 15 Ouvaroff S. Projet d'une académie asiatique [Electronic resource] / S. Ouvaroff // Etudes ed philologie et de critique. – 2-c éd. – Paris, Didot Frères, 1845. – С. 1–47. – Mode of access: http://books.google.fr/books?id=Qv5BAAAAcAAJ&printsec=frontcover&dq=%C3%89tudes+de+philologie+et+de+critique+1845&hl=fr&sa=X&ei=oAUZUaKvIMnLhAeTx4EQ&redir_e

ISSN 1563-0307
Индекс 75875; 25875

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

ҚазҰУ ХАБАРШЫСЫ

Философия сериясы. Мәдениеттану сериясы. Саясаттану сериясы

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

ВЕСТНИК КазНУ

Серия философия. Серия культурология. Серия политология

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

KazNU BULLETIN

Philosophy series. Cultural science series. Political science series

№3 (52)

Алматы
«Қазақ университеті»
2015

МАЗМҰНЫ–СОДЕРЖАНИЕ

1-бөлім Раздел 1 Философия Философия

<i>Ақберген А.И.</i> Свобода как ценность современного общества	4
<i>Baidlayeva A.K.</i> Language in the Context of the Theory of Social Reality of John Searle	12
<i>Бейсенов Б.Қ., Игисенова А.Р.</i> Жаһандық сын-кәтерлер және рухани қауіпсіздік	22
<i>Лифанова Т.Ю., Вережкин А.В.</i> Человеческий капитал в проекции образовательных реформ	32
<i>Мамбетбаев Қ.Ж.</i> Ханафи мәһабында мүрсал хадистердің орны	38
<i>Мямешева Г.Х.</i> Идеалы аль-Фараби и межкультурная компетентность	46
<i>Оспанов Т.Т.</i> Суцность и роль национальной идентичности в социальной философии	52
<i>Темиртон Г.</i> Изучение процессов интеграции в контексте понятия «единос»: философский подход.....	58
<i>Токтаров Е.Б., Алтаев Ж.А.</i> Интернет и национальная идентичность казахстанцев.....	64

2-бөлім Раздел 2 Мәдениеттану Культурология

<i>Абулгазиева С.</i> Қазақ сахнасындағы шығармашылық адам бейнесі	72
<i>Aljanova N., Myong Soon-ok</i> Cultural features of cities communication along the great silk road in the territory Of Kazakhstan	78
<i>Әкімханов А.Б.</i> Әбу Мансур әл-Матуридидің таным теориясы (назарият әл-ма'рифә)	86
<i>Байтенова Н.Ж., Сембаева М.М., Абдразакова Н.А.</i> Батыс Еуропа тарихындағы Ислам мәселесі	96
<i>Кабиденова Ж.Д., Рысбекова Ш.С.</i> Отношение к религии и религиозная идентификация среди подростков	104
<i>Маемиров А.</i> Әлемдік және орыс классикалық туындыларының қазақ сахнасында игерілуі	112
<i>Мусаева Н.Р., Тайлакова А.А.</i> Бабалар сөзі – ұлттық мәдениеттің мәйегі	122
<i>Поваляшко Г.Н., Хазбулатов А.Р.</i> Брендинг Казахстанского культурного ландшафта	132
<i>Хазбулатов А.Р.</i> Металл как эволюционный фактор: культурологическое осмысление	138

3-бөлім Раздел 3
Саясаттану Политология

Кушқумбаева А.Ж.
Развитие суперпрезидентализма в Таджикистане 148

Назарбетова А.К.
Медийная система и правовые основы СМИ Германии 156

Төлен Ж.М.
Қоғамның саяси жүйесіндегі саяси тұрақтылықтың ролі 168

4-бөлім Раздел 4
Шетел басылымы Зарубежные публикации

Brusilovskii D.A., Aiybekova K.A.
Christian-muslim co-operation as one of the mechanisms of dialogue among civilizations in a globalizing world
(on materials of the turkic language peoples) 180

Брусилловский Д.А.
Джихад или диалог в век глобализации? 190

Уметалиева-Баялиева Ч.
Старые гипотезы и новые идеи по происхождению речевого языка 200

Уметалиева-Баялиева Ч.
О нативности систем человеческого языка. Язык Сильбо Гомера 210

Янковский С.В.
Социокультурная топография: от социально-идеографического к социально-эйдетическому
конструированию образа мира 220

Авторлар туралы мәлімет 228